

Защита диссертации С.П. Шевырёва, или рождение «русского профессора»

Кира Ильина

Основанные в начале XIX в. университеты в России воспринимались чиновниками ведомства народного просвещения и приглашёнными из-за границы профессорами как островки западного образования и цивилизации в варварском окружении. Каждый созданный университет довольно быстро обрёл свою локальную специфику (начиная от состава профессоров и степени централизации управления и заканчивая набором преподаваемых дисциплин и научной специализацией), а его деятельность регулировалась законодательными актами и распоряжениями, имевшими местное применение. Преобразование существующей сети университетов в систему осуществилось по инициативе и замыслу министра народного просвещения гр. С.С. Уварова (1833–1848). При нём был разработан общеуниверситетский устав, унифицированы отчёты, введены единые образцы входящих и исходящих документов¹, созданы типовые периодические издания – «Учёные записки»². Уваров говорил о подведомственных университетах как о национальных институтах, ожидал от них создания «русской науки», а от «русских профессоров» – лояльности и воспроизводства себе подобных.

Эти преобразования осуществлялись посредством кадровой чистки, в ходе которой не корпорации, а попечители оценивали профессиональный уровень профессоров и рекомендовали «отсталых» к увольнению³. Дополнительную остроту этой ситуации придавало то, что правительство обусловило обретение должности профессора наличием учёной степени доктора наук. Это нововведение перекрыло многим соискателям путь к высшим университетским позициям. Целый ряд адъюнктов и экстраординарных профессоров оказался перед необходимостью прохождения научной аттестации, которая подразумевала се-

© 2015 г. К.А. Ильина

В статье использованы результаты проекта «Практики аттестации и присвоения учёных степеней в европейских университетах Нового времени», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» в 2014 г.

Автор выражает искреннюю благодарность Е.А. Вишленковой и В.С. Парсамову за обсуждение, критические замечания и предложения при подготовке статьи.

¹ Подробнее об этом: *Вишленкова Е.А., Ильина К.А.* Университетское делопроизводство как практика управления (Россия, первая половина XIX века) // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 232–255.

² *Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* Журналы о себе и для себя: университетские издания первой половины XIX века // Сословие русских профессоров: Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой и И.М. Савельевой. М., 2013. С. 135–168.

³ *Костина Т.В.* Профессора «старые» и «новые»: «антиколлегальная реформа» С.С. Уварова // Сословие русских профессоров. С. 212–238. Автор статьи отмечает, что по итогам реформы «за штатом» оказался каждый третий (из 127 профессоров и адъюнктов российских университетов сохранили свои места только 84, т.е. 66%) (Там же. С. 234).

рию устных и письменных экзаменов, прочтение публичных лекций, написание и публичную защиту диссертации.

Внутренняя динамика осуществляемой правительством модернизации университетов и стратегии поведения отдельных лиц определялись конкурентной борьбой, сложившимися в том или ином университете иерархиями, а также отношениями с чиновниками министерства. Для обретения искомой учёной степени претенденту приходилось учитывать множество факторов и балансировать в переменчивой игре субъектов университетской политики, условия которой постоянно менялись. Например, по аналогии с апробированными ещё в конце 1820-х гг. упрощёнными вариантами защит для отдельных категорий соискателей⁴, во второй половине 1830-х гг. чиновники предусмотрели «ускоренные» сценарии научной аттестации для молодых и способных, но не имеющих степени преподавателей.

Исследовательская литература даёт представление только о формальной стороне этой реформы: об этапах развития законодательства, обсуждении проектов устава и т.п.⁵ Однако такая оптика рассмотрения темы «с высоты птичьего полёта» зачастую не позволяет судить о том, как переживал реформы университетский человек, как действия министерства создавали новый тип отношений профессоров с чиновниками, как складывались в этих условиях профессиональная этика и научные репутации. Можно поставить и более общие вопросы. Как рождался феномен «русского профессора», человека с определёнными культурно-психологическим складом и политической лояльностью? Где проходили границы между демонстрацией лояльности и искренней верой в просвещённое правительство, между отстаиванием собственных позиций и уважением корпоративных ценностей и установок?

Ответы на эти вопросы, на мой взгляд, способны дать биографические данные. В настоящей статье я сосредоточусь на истории научной аттестации адъюнкта Московского университета С.П. Шевырёва (1806–1864) и попытаюсь проследить, каким образом и по каким соображениям он выбирал тактику построения научной карьеры, как при этом определялись контуры его политической лояльности. Траектория движения Шевырёва по учёной лестнице и нюансы защиты им докторской диссертации восстанавливались на основе данных из нескольких источников: автобиографических (очерки о самом себе, опубликованные Шевырёвым в «Истории императорского Московского университета» и «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета»⁶); университетского делопроизводства, разбро-

⁴ К ним относились воспитанники Дерптского профессорского института, для которых был предусмотрен упрощённый вариант экзамена и возможность претендовать на степень доктора, минуя магистра. Особая программа подготовки и проверки знаний была у студентов законовещения, которых М.М. Сперанский готовил во II Отделении Собственной его императорского величества канцелярии для занятия профессорских должностей в российских университетах.

⁵ См., например: *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века: Формирование системы университетского образования. Кн. 3. Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. М., 2000; *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009; *Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / Под общ. ред. А.Ю. Андреева, С.И. Посхова.* М., 2012.

⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. 2. М., 1855. С. 614–615;

санного по нескольким архивохранилищам (РГИА, Центр хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива Москвы (ЦГАМ), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ)), а также документов личного происхождения (РГИА, ОПИ ГИМ, ОР РНБ).

Упомянув о защите Шевырёва, исследователи, как правило, имеют в виду определённую часть имеющихся источников: кроме сведений, опубликованных о себе Шевырёвым, в научный оборот введены разные фрагменты переписки министра народного просвещения С.С. Уварова с попечителем Московского учебного округа С.Г. Строгановым. Эти документы хранятся в РГИА⁷ и ОПИ ГИМ⁸. Однако вне сферы внимания исследователей остался обширный комплекс делопроизводственных документов из фондов Московского императорского университета и Канцелярии попечителя Московского учебного округа ЦГАМ⁹, а также переписка Шевырёва с издателем «Журнала Министерства народного просвещения» К.С. Сербиновичем и сотрудником редакции этого журнала Я.М. Неверовым¹⁰. Письма Шевырёва к Неверову, предоставленные для издания А.В. Станкевичем, были опубликованы в «Русском архиве» П.И. Бартеневым в 1909 г.¹¹

С.П. Шевырёв, не имевший учёных степеней выпускник Благородного пансиона при Московском университете, в 1833 г. претендовал на должность адъюнкта. Действовавший тогда устав 1804 г. предписывал совету отдавать предпочтение кандидатам из молодых «природных россиян», которые смогут убедить профессоров в своих талантах, предоставив «печатные и рукописные сочинения» и прочитав публичные лекции. Имея рекомендации от С.С. Уварова, Шевырёв по постановлению совета написал и опубликовал в «Учёных записках Московского университета» исследование «Данте и его век», за что получил искомую должность преподавателя¹².

В середине июня 1835 г. в связи с увольнением профессора Н.И. Надеждина в Московском университете освободилась кафедра теории изящных искусств и археологии. Для чтения этих предметов на заседании 24 июня отделение назначило адъюнкта Шевырёва¹³. Профессора большого совета на заседании 17 июля вслед за коллегами решили, что Шевырёв достоин звания ординарного профессора, и просили попечителя разрешить баллотировать

Шевырёв С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею: 1755–1855. М., 1855. С. 490–491.

⁷ РГИА, ф. 733, оп. 30, д. 185, л. 10, 31–31 об., 34–37 об., 74–74 об., 80–80 об. Касающиеся Шевырёва листы этого дела ввела в научный оборот Т.В. Костина. По её мнению, этой перепиской была создана фактически тупиковая ситуация: московский попечитель С.Г. Строганов угрожал, что Шевырёв уйдет из университета, а Уваров настаивал на защите несостоявшимся профессором диссертации, что в итоге и произошло (*Костина Т.В.* Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–1837 годы // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю.Д. Марголиса (1930–1996). СПб., 2012. С. 236).

⁸ ОПИ ГИМ, ф. 17, 404. См.: *Петров Ф.А.* С.П. Шевырёв – первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999. С. 16–20.

⁹ ЦГАМ, ф. 418, 459. Материалы этого фонда только частично дублируются: РГИА, ф. 733; ОПИ ГИМ, ф. 404.

¹⁰ См.: ОР РНБ, ф. 850, д. 394, 506; РГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 1656. Благодарю А. Вдовина за предоставление информации о существовании этой переписки.

¹¹ Из бумаг Я.М. Неверова. Письма к нему лиц неизвестных и С.П. Шевырёва (Сообщил А.В. Станкевич) // Русский архив. 1909. № 5. С. 84–94. См. также: ОПИ ГИМ, ф. 372, д. 13, л. 101–102 об.

¹² Биографический словарь профессоров и преподавателей... С. 611.

¹³ ЦГАМ, ф. 418, оп. 477, д. 23, л. 33–33 об.

ние (голосование)¹⁴. В практике университетов, руководствовавшихся уставом 1804 г., такая процедура назначения была типичной. На основании заслуг или выслуги лет были избраны в профессора многие учёные Александровской эпохи. Поэтому разрешение попечителя последовало 28 августа. 11 сентября на проведённом советом университета голосовании Шевырёв 12 голосами против 2 был избран ординарным профессором. В связи с этим попечителю была направлена просьба об утверждении его в этой должности. На письме есть резолюция С.Г. Строганова: «Пред[ставить] г[осподину] министру на утверждение. Приб[авить], что хотя по новому уставу и не предполагается возводить на кафедры молодых учёных, не получивших степень доктора, в уважение отличных качеств г[осподина] Шевырёва и пользу, им приносимую университету и известного в литературе, я покор[нейше] прошу до введения нового устава утверд[ить] моё представление»¹⁵.

Однако этот текст не вошёл в официальное представление от 25 сентября¹⁶. Почему? Ответ, вероятно, следует искать в том, что обычной практикой для чиновников министерства было ведение служебной переписки на нескольких уровнях: официальном (с использованием бланков и проставлением входящих и исходящих номеров) и частном, «келейном». «Неправильные» инициативы с мест должны были отвергаться на скрытом от посторонних глаз неформальном уровне. Тем не менее информация о конфликтах на официальный уровень всё же просачивалась.

Неофициальные письма Строганова Уварову написаны на французском языке и хранятся в общей подшивке частных писем Уварову от разных лиц¹⁷. Так, разрешив совету проводить голосование, Строганов в начале сентября сообщил об этом Уварову: «Я считаю долгом предупредить Вас, что я представляю на Ваше позволение для выборов в ординарные профессора трёх кандидатов: Ейнбродта, Иовского и Шевырёва... Новый устав застаёт врасплох этого последнего кандидата, и он не решится подвергнуться докторскому экзамену, а мы рискуем его потерять, и это было бы очень жалко»¹⁸. На письмо попечителя министр 19 сентября ответил отказом и требованием провести аттестацию Шевырёва на степень доктора. Однако это не только не остановило официального представления Строганова об уже состоявшихся выборах Шевырёва ординарным профессором, но и спровоцировало новый поток аргументов. «Его карьера закончена, – писал попечитель, – и он не имеет никакой надежды на продвижение. Это заставляет меня вновь просить Вас подумать о Шевырёве, которого я Вам уже представлял на профессорскую кафедру. Я настойчиво Вас прошу не отказать мне в этом назначении. Для него старый устав был слишком благоприятен, чтобы не воспользоваться этим случаем; очень было бы плохо потерять такого полезного преподавателя, как Шевырёв. Он будет счастлив получить место на кафедре с тем жалованьем, которое Вы сочтёте нужным ему определить, что успокоит тех, кто считает, что это назначение не совсем законно»¹⁹.

¹⁴ Там же, ф. 459, оп. 1, д. 4791, л. 1–2.

¹⁵ Там же, л. 3–4 об.

¹⁶ Там же, л. 5; РГИА, ф. 733, оп. 30, д. 185, л. 10.

¹⁷ Отдельные фрагменты частной переписки между Уваровым и Строгановым из ОПИ ГИМ вошёл в научный оборот Ф.А. Петров (*Петров Ф.А.* Указ. соч. С. 16–20).

¹⁸ ОПИ ГИМ, ф. 17, д. 81, л. 77–77 об. Благодарю В.С. Парсамова за перевод этих писем.

¹⁹ Там же, л. 78 об.–79. См. также: *Петров Ф.А.* Указ. соч. С. 16.

Необходимо отметить, что оба уровня служебной переписки исключали участие в решении судьбы соискателя самого Шевырёва. Иной информационный пласт позволяет выявить личная переписка Шевырёва с Я.М. Неверовым и с К.С. Сербиновичем, которая, в основном, касалась обсуждения подготовки и издания статей и литературных произведений учёного. В августе–декабре 1835 г. эта переписка приобрела несвойственную ей до того напряжённость и свелась исключительно к обсуждению требований нового устава к профессорам, а затем – к необходимости прохождения докторского экзамена и написания диссертации Шевырёвым.

Во второй половине августа 1835 г. Шевырёв сообщил Неверову, что в Москве с нетерпением ждут приезда С.Г. Строганова и его разъяснений о нюансах в новом уставе. Он писал, что среди профессоров царит «состояние неизвестности», порождающее нелепые толки и сплетни относительно образования факультетов и нового распределения наук по кафедрам. Адъюнкт боялся остаться за штатом: «Теперь минута решительная для университета и для каждого из нас; по крайней мере для меня, это: to be or not to be. Хотелось бы кончить скорее этот монолог и сказать себе то или другое. Судя по программе слов[есного] факультета, ни история словесности иностранной, ни история искусства, ни эстетика не входят в круг наук словесных. Поэтому я окажусь, как видно, непутным и должен буду ретироваться, потому что предметам своих занятий не изменю и на другие не пойду, как это дельвалось прежде. До сих пор, судя по программе, мне приходится: not to be. Перспектива неприятная после двух лет труда, подкреплённого надеждами, которые рушатся. Это не помешает однако мне издать свой курс и продолжать его книгами для публики, если мне не будет места в университете. А может быть, вышед из университета, я соберусь в два года на экзамен докторский. Кто хочет работать, в России – без дела не будет: делатели мы не богаты»²⁰.

В ответном письме Неверов успокаивал своего корреспондента, разъясняя ему позицию министерства и уверяя в благожелательном отношении министра: «Вы удержите кафедру словесности, адъюнктскую, а чрез год должен открыться конкурс на ординарную кафедру, ибо Давыдову²¹ выйдет срок на заслуженного профессора. Правда, что по новому уставу только доктора могут занимать ординарные кафедры, но есть исключения. На днях утверждён в Дерпт один профессор²², не имеющий звания доктора. Сказано, определяется для исполнения должности ординарного профессора с полным окладом – впредь до получения докторской степени. Т.е. он должен держать чрез несколько лет на доктора и тогда будет уже утверждён. Вот случай, который, как кажется, указывает и на Ваш путь... Впрочем, благоразумие Ваше само подаёт Вам лучшие советы. Я же замечу только, что при отличном мнении, какое имеет о Вас министр и все высшее начальство, Вам труднее будет оставить университет, нежели удержаться в нем. Вам знают цену и не уступят Вас без боя»²³.

Изучив полученный в Московском университете в начале сентября текст нового устава, Шевырёв пришёл в ужас от понимания невозможности легаль-

²⁰ ОПИ ГИМ, ф. 372, д. 13, л. 102–102 об.

²¹ Имеется в виду И.И. Давыдов (1794–1863), философ и филолог.

²² Имеется в виду М.П. Розберг (1804–1874), который в июле 1835 г. был приглашён исполняющим должность ординарного профессора русского языка и словесности в Дерптский университет.

²³ ОР РНБ, ф. 850, д. 394, л. 55–55 об.

ного получения им ни звания профессора, ни степени доктора: «По уставу мне решительно нельзя быть ни даже экстраорд[инарным] профессором. И вот ещё беда какая: мне нельзя даже прямо держать экзамен на доктора, которому бы я ещё согласился подвергнуться... Мне даже нельзя держать прямо на кандидата, потому что я не студент, а просто пансионер унив[ерситетского] пансиона... Мне один путь: подать просьбу в университет о принятии меня в студенты наравне с чиновниками служащими и выпросить у начальства позволение ходить на лекции, и снова пройти всю лестницу степени. Если бы я мог держать экзамен на доктора прямо, я это бы сделал; приготовился бы на это, так и быть! Но мне никак не возможно... Из такого затруднения может меня вывести теперь только воля Сергея Семеновича. Но если этого не последует... мне придется покинуть университет, не имея надежды быть в нём профессором»²⁴.

12 сентября Неверов сообщил Шевырёву неутешительные новости: «Я советовался с Сербиновцем о том, что Вам предпринять теперь, ибо к несчастью Уваров не утвердил представление университета об утверждении Вас в профессорском звании, не утвердил потому, что это показалось ему нарушением нового устава, только что вышедшего. Сербинович ничего не мог сказать мне решительно; Комовский²⁵ – также, но я настоятельно просил, чтобы они переговорили об этом с князем (директором департамента)²⁶, как бы от себя, что Сербинович и исполнил. Князь думает, чтобы не терпя далее времени должны подать просьбу министру о дозволении Вам держать экзамен прямо на доктора. Он уверен, что Вам в этом не откажут в уважение занимаемого Вами места и литературных трудов Ваших; если же не согласятся допустить к докторскому экзамену, то дозволят магистерский, а потом через год – докторский. Князь *думает* (здесь и далее выделено в оригинале. – *К.И.*), что не будет никаких препятствий держать прямо на доктора, а это слово “*думаю*” значит много, ибо просьба и дело будут у него в руках, как у директора, следовательно главного производителя всех дел по министерству. Он думает также, что не мешает с просьбою обстоятельно изложить Ваши занятия и труды, чтоб яснее сделать причину, почему Вы не можете держать экзамена на низшие степени. Итак, поспешите подать эту просьбу, а мы здесь похлопочем. Постарайтесь, чтоб и попечитель – буде это будет возможно – представил министру мнение в пользу докторского экзамена; хотя Уварову для суждения о Вас и не нужно посторонних свидетельств, но к делу мнение попечителя было бы очень кстати, им департамент мог бы подкрепить свою резолюцию»²⁷.

Выражая сочувствие своему респонденту, Неверов ошибался, полагая, что министр не утвердил представление университета. Уваров отказал московскому попечителю. Между тем письмо Неверова, пришедшее в Москву 15 сентября, стало для принимающего поздравления от коллег Шевырёва шоком. Учёный в ответном послании пытался осмыслить масштабы внезапной катастрофы: «В то самое время, как меня здесь все поздравляют орд[инарным] пр[офессором], в то время, как совет почти единогласно меня выбрал по предложению попечителя, все Московские мои знакомые меня встречают поздравлениями и вся Москва

²⁴ Из бумаг Я.М. Неверова... С. 87.

²⁵ В.Д. Комовский (1803–1881), историк, литератор, правитель дел Главного цензурного управления.

²⁶ Имеется в виду кн. П.А. Ширинский-Шихматов (1790–1853), который в 1833–1844 гг. занимал должность директора Департамента народного просвещения.

²⁷ ОР РНБ, ф. 850, д. 394, л. 16–16 об.

уже это знает, – вдруг я получаю от Вас письмо, что министр не утвердил этого назначения. Тут должно быть какое-то недоразумение. Совет только в среду, 11-го числа, избрал меня; а Вы мне пишете от 12-го. Что-нибудь да не так; это похоже на кошмар. Так как во всем этом производстве дела я не принимал решительно никакого участия и сидел спокойно, готовый к новым трудам в своём кабинете, то я и не знаю, как, где, что делалось». Однако вскоре Шевырёв успокоился и принял следующий план действий: «Просьбы о позволении держать экзамен на доктора я подавать не буду, ибо не вправе просить незаконного. Экзамен на доктора также держать не буду, потому что мне надо будет заниматься такими науками, которыми я никогда не занимался, напр[имер] политической экономией, славянской литературой, восточными языками... Я в этом случае фаталист: могу быть полезен и не на кафедре: полезной службы много у нас в Отечестве»²⁸.

Видимо, в столице от историка ожидали иной реакции. Инициативу убеждения Шевырёва взял на себя начальник Неверова К.С. Сербинович. Его письмо, в котором впервые упоминается «защитная» проблема Шевырёва, было написано 19 сентября 1835 г. по поручению Уварова. Таким образом, в один день из столицы отправилось два письма: одно – полуслужебное на французском языке, от Уварова Строганову, содержащее отказ, второе – приватное от Сербиновича Шевырёву, с разъяснениями и наставлениями того же Уварова учёному. Сербинович писал: «Я имел случай говорить с г[осподином] министром о затруднительном Вашем положении и о способах выйти из него. Сергей Семенович никак не находит возможным делать для одного лица исключение не в пример другим или вообще нарушать новый, только что изданный устав, который уже должен быть в полном действии во всём том, что касается самых штатов; однако ж входя в положение тех преподавателей, которых, подобно Вам, застал устав без степеней, он признаёт, что Вы, равно как и прочие в одной с Вами категории состоящие преподаватели Москов[ского] университета, могли бы, изъяснив Ваше положение, просить вместе г[осподина] попечителя об исходатайствовании Вам позволения держать экзамен прямо на степень доктора, и если попечитель сделает об Вас представление, то и Сергей Семенович не затруднится войти о том с докладом к государю: для чего ему именно нужно знать, кто ещё кроме Вас состоит в университете в подобной категории. Обо всём этом сообщаю Вам по приказанию самого министра, который, сколько я мог заметить, принимает в Вас участие и желает согласить выгоды Ваши с пользою общею и порядком, ныне введённым»²⁹.

24 сентября Шевырёв отправил в Санкт-Петербург объёмное ответное письмо. Местами почти дословно повторяя своё недавнее письмо Неверову, он сообщал важный факт: «Есть общий слух между моими товарищами и знакомыми, что избрание совершилось согласно с волею министра». И именно это обстоятельство сделало его положение ещё более незавидным: «Вся Москва знает о моём избрании в университете; товарищи меня поздравляют, хотя я не принимаю их поздравлений; студенты видят во мне уже профессора, – и вдруг получается известие о неутверждении. Никто не вникнет в причины; никто не вспомнит, что я не доктор; все знают, что новый устав вводится только с нового года: будут знать только одно, что я не утверждён, а это объяснят тем, что начальство не благоволит ко мне. Вам известно, что мнение товарищей важно

²⁸ Из бумаг Я.М. Неверова... С. 89–90.

²⁹ ОР РНБ, ф. 850, д. 506, л. 4–4 об.

в том месте, где служишь, т.е. мнение их об отношении служащего к своему начальству»³⁰.

Описав собственные репутационные потери, Шевырёв объяснял, почему экзамен на степень доктора ему неудобен. На первое место он предусмотрительно поставил пользу университета, поскольку для подготовки к экзамену он должен забросить преподавание и оставить свои занятия по двум кафедрам. Кроме того, писал он, «готовясь к испытанию, я должен буду возобновить занятия предметами, которыми я давно или даже никогда не занимался – и вместо того чтобы идти далее и развивать вперёд свою науку, убивать время на то, что мне бесполезно. Полтора года или скоро два года преподавания в университете и 4 тома курса, мною написанного, смею сказать, стоят докторского испытания. И если бы это время или даже половину его я употребил на приготовление к экзамену, то, конечно, выдержал бы его по-здешнему блестящим образом». К обиде за неочтенные, по его мнению, начальством труды примешивался и страх быть отвергнутым корпорацией, страх показать себя невеждой. Шевырёв противопоставлял себя и профессорское сообщество: «Согласитесь, что если всякому трудно держать испытание, то мне ещё труднее: ибо я предстану пред своих товарищей, а в товариществе всегда есть и соперничество, особливо в нашем деле. Я должен готовиться для десяти человек, и каждый из этих десяти может приготовиться сам к тому, чтобы меня испытывать не изо всей науки, а из части, ему более известной, которую ещё протвердит он накануне. Вы видите из этого, что мне мало и году будет на приготовление»³¹.

Письмо Шевырёва выдаёт его неуверенность в отношении коллег, ещё недавно проголосовавших за него. И в то же время здесь видно страстное желание молодого человека быть частью университетской элиты. В соответствии с кодексом служения науке, в письме выражается самоотверженная любовь к своему предмету, нежелание бросать любимое дело из-за бюрократических препонов. «Да и с какою целью буду я посвящать время наукам посторонним, когда имею свою?» – резко спрашивал он Сербиновича и тем самым министра, потому что рано или поздно это письмо должно было оказаться в руках Уварова, и продолжал: «Что касается до науки, то наш факультет признал за нужное для русской словесности иметь двух преподавателей, ибо этому предмету предлагается дать больший объём и сделать его общим. Но кроме того от воли г[осподина] министра зависит оставить меня при моей науке, если она не бесполезна: ибо г[осподину] министру предоставлено право делать изменения в предметах, уничтожать и сокращать, согласно с местными обстоятельствами. Что же касается до истории всеобщей, то я не приму её на себя, ибо не люблю и не смогу менять предмет. Одною из главных причин упадка нашего университета было то, по моему мнению, что преподаватели принуждаемы бывали, ища места, переходить от предмета к предмету или заниматься таким, к которому не имели особенного призвания. Я ещё не успел обработать историю всеобщей словесности – и этого предмета не покину, ибо нахожу, что и русская словесность с своею историею без всеобщей объяснена и направлена быть не может»³².

Тем временем официальный ответ Уварова от 11 октября на сентябрьское представление Строганова был получен попечителем 22 октября 1835 г.

³⁰ РГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 1656, л. 5–5 об.

³¹ Там же, л. 6–6 об.

³² Там же, л. 6 об.–7.

В нём министр терпеливо и подробно разъяснял нюансы устава относительно принципа классификации наук и «разделения кафедр» и говорил о необходимости следования штатному расписанию при определении профессоров и адъюнктов. Он писал: «Распределение [кафедр] должно иметь достаточную твёрдость, проистекающую из самого свойства учебных предметов, естественного сродства их и определительной границы каждого, причём надлежит избегать слишком решительного уважения к личным качествам и способностям нынешних преподавателей, которые по времени переменяются, между тем кафедры останутся те же». Завершалось отношение повторным требованием защиты Шевырёвым докторской диссертации и туманным обещанием упростить этот процесс, «допустив... к испытанию прямо на высшую степень, о чём и будет в своё время представлено на Высочайшее утверждение»³³.

В конце октября из столицы с интервалом в 10 дней отправились письма к Шевырёву от Сербиновича и Неверова. Сербинович рассказывал о частном представлении Строганова, которое повлекло отказ Уварова ранее представления совета университета, и заверял в расположении министра. Также он намекнул респонденту, что в столице ожидают возвращения императора, и оно должно дать ход многим делам «может быть, в том числе, и тому, которое касается экзамена преподавателей»³⁴.

Строганов между тем с завидным упорством готовил новое ходатайство о Шевырёве. В письме от 5 ноября 1835 г. он доказывал: «Зная с одной стороны отличные способности и успехи г[осподина] Шевырёва, известные и Вашему Вы[соко]пре[восходительст]ву, я имею намерение отдать полную справедливость возведением его в звание ординарного профессора и тем упрочить его для университета; с другой стороны, имея в виду новый устав, по силе которого не имеющий степени доктора не может быть удостоиваем помянутого звания, я желал, так сказать, воспользоваться действием прежнего устава». Далее попечитель, видимо, переговоривший с Шевырёвым и бывший в курсе его настроений и дальнейших планов, настаивал: «Я полагаю, что он, сознавая доказанные самым делом свои достоинства, дарования и способности, не согласится подвергнуть себя испытанию и оставит университет, избрав поприщем службы другое ведомство, где он может быть столько же полезен, как и в университете, и которая, может быть, предоставит ему более случаев отличиться и выгод, нежели служба учёная, принятая»³⁵ им единственно из любви к науке и внимания начальства учебного ведомства»³⁶. В конце письма Строганов просил для Шевырёва должности если не ординарного, то хотя бы экстраординарного профессора.

Однако в своём ответе Уваров был непреклонен: «Я не считаю себя вправе сделать в пользу его изъятия и нахожу необходимым... чтобы вместе с возведением его в звание экстраординарного профессора обязать его приобрести докторскую степень, на которую он мог бы прямо выдержать испытание хотя в С[анкт]-Петербургском университете по правилам, кои вновь изданы быть имеют. Впрочем, должен я присовокупить, что слишком уважаю образ мыслей г[осподина] Шевырёва, чтобы допустить, что звание докторское, почитаемое везде за высшее украшение учёной жизни, могло противоречить сознанию

³³ ЦГАМ, ф. 459, оп. 1, д. 4791, л. 26–29 об.; РГИА, ф. 733, оп. 30, д. 185, л. 27–31 об.

³⁴ ОР РНБ, ф. 850, д. 506, л. 6–6 об. Ср.: Там же, д. 394, л. 18 об.

³⁵ Слово надписано вместо ранее зачёркнутого: «избранная».

³⁶ ЦГАМ, ф. 459, оп. 1, д. 4791, л. 6–7 об.; РГИА, ф. 733, оп. 30, д. 185, л. 34–35 об.

собственного достоинства и дарования, в чём, конечно, и Ваше сиятельство со мною согласны будете»³⁷.

25 ноября по указанию Уварова Сербинович вновь написал Шевырёву. Министр был раздражён очередным представлением Строганова и предупреждал Шевырёва о своём официальном отказе, однако дал знать о намерении «удержать его на службе при университете»: «Сергий Семенович *надеется*, что Вы возьмёте терпение на небольшое время, в продолжение коего это обстоятельство получит облегчительное для Вас изменение, вместо того, что всякие университетские представления, несогласные с уставом, не могут иметь иного следствия, кроме законного ответа, а между тем приводят оба начальства в затруднительное положение и поставляют министра в необходимость отказывать в возвышении тому, кого он именно желает приличным образом возвысить. Сергей Семенович советует Вам избрать время для приезда сюда, в Петербург, где Вы, без сомнения, получите требуемую степень без дальнейших затруднений и без малейших неприятностей»³⁸. Через день к Шевырёву отправилось письмо Неверова, в котором, в дополнение к уже переданным ранее адъютанту надеждам и советам министра, транслировались намёки последнего и давались недвусмысленные обещания: «Сербинович поручил мне засвидетельствовать Вам его почтение и *намекнуть* Вам, чтобы Вы постарались побывать поскорее в Петербурге. Этот намёк делается по приказанию Уварова. Обещают, что с приездом Вашим сюда решатся все препятствия к утверждению Вас в профессорском звании, и министр надеется произвести Вас в доктора без всяких экзаменов (я слово в слово передаю то, что говорил Сербинович). Есть какие-то препятствия, кроме официально изложенных министром в ответе на представление о Вас и кроме тех, о которых говорил Сербинович, он писал к Вам на днях, и эти препятствия должны рушиться приездом Вашим сюда и личным объяснением с Уваровым. Вы будете утверждены»³⁹.

Таким образом, министр предложил (и не единожды, а трижды!) организовать испытание Шевырёва на степень доктора. Даже одно предложение можно было рассматривать как приказ. Уваров также настаивал на проведении экзаменов не в Москве, а в Санкт-Петербургском университете, где на протяжении 1834–1835 гг. уже успешно прошли испытания на степень докторов (не магистров!) законоведения студенты М.М. Сперанского, обучавшиеся по специальной программе при II Отделении Собственной его императорского величества канцелярии и в Берлине⁴⁰, а потому испытание Шевырёва сразу на докторскую степень не вызвало бы ненужных вопросов.

Однако ещё до получения последних двух писем Шевырёв решил на иное. Судя по всему, Строганов, получивший письмо Уварова 24 ноября, рассказал учёному о предложении министра и потребовал реакции. 30 ноября Шевырёв направил официальное отношение попечителю. В письме сквозила обида и вместе с тем смирение с волей начальства: «Если двухлетние мои занятия по двум кафедрам, на меня возложенным, и сочинения, мною напечатанные прежде и печатаемые теперь, не могут быть вменены мне в испытание, то из этого я должен заключить, что высшее начальство находит меня ещё недостаточно зрелым для звания профессора, требует новых от меня речей»

³⁷ ЦГАМ, ф. 459, оп. 1, д. 4791, л. 8–8 об.

³⁸ ОР РНБ, ф. 850, д. 506, л. 8–8 об.

³⁹ Там же, д. 394, л. 65–65 об.

⁴⁰ См.: РГИА, ф. 733, оп. 22, д. 61.

и призывает меня к учению». Демонстрируя готовность пройти испытания, Шевырёв просил Строганова об одном: определить способ проверки. И тут же оговаривал, практически в ультимативной форме, свои условия: «Если я должен быть испытан из всех предметов, входящих в отделение словесных наук, то я сочту это моею несчастною судьбою и заранее отказываюсь от подобного испытания: ибо, сосредоточившись в одном предмете, я уже потерял и охоту, и возможность заниматься всеми. Если же испытание это ограничится только главным предметом моих занятий и окружающими его науками, то я рад приготовиться к подобному испытанию, потому что для себя извлеку из него большую пользу. В последнем случае имею честь объявить Вашему сиятельству, что главным предметом моих занятий была история словесности древней и новой, и просить Вас о том, чтобы высшее начальство благоволило определить: могу ли я держать испытание из сего предмета, как главного? Из каких ещё предметов, окружающих оный, я должен быть испытан? В какой форме имеет совершиться это испытание? По определении сего, я буду просить у Вашего сиятельства увольнения от всех должностей в университете на время, потребное для приготовления к испытанию, по моей собственной воле»⁴¹.

К прошению прилагалась составленная Шевырёвым «полная программа» собственного испытания, включающая «теорию словесных наук вообще в историческом виде», «историю словесности новых народов Западной Европы», «историю русской словесности в связи с русскою историею», «теорию русского языка в связи с грамматикою словенскою», «историю греческой словесности. Объяснение писателей прозаических и стихотворных, не менее двух, по выбору испытуемого», «историю римской словесности. Объяснение писателей прозаических и стихотворных, не менее двух, по выбору испытуемого», «историю искусства древнего и нового в эстетическом отношении». Шевырёв планировал сдавать экзамен на русском языке (за исключением латинской словесности)⁴². 3 декабря Строганов отправил Уварову частное письмо: «Вы получите по почте мой официальный ответ по поводу экзамена Шевырёва и той программы, по которой, как я думаю, будет проводиться этот экзамен. Я надеюсь, что Вы это одобрите; юный профессор просит нескольких месяцев для подготовки и проведения пробных лекций в университете; пока я ему в качестве компенсации обещал разрешить два часа в неделю вести практические занятия со студентами первого курса... Шевырёв просит разрешения держать свой экзамен в Москве. Вы поступите великодушно, если разрешите ему это»⁴³. На следующий день Строганов отправил Уварову официальное письмо, в котором изложил отзыв Шевырёва о готовности «подвергнуться испытанию»⁴⁴. Итак, адъюнкт был готов проявить лояльность, но на своих условиях.

В письме 7 декабря Шевырёв, сообщая Сербиновичу о своём решении «покориться необходимости и приготовить себя к экзамену», упоминал свой «ответ» попечителю и свои требования, а также то, что, зная о предложении министра пройти экзамены на степень в Петербурге, для испытания он выбрал Московский университет, так как «избрание всякого другого места показало бы в этом случае с моей стороны недостаток или доверия, или уважения к месту,

⁴¹ ЦГАМ, ф. 459, оп. 1, д. 4791, л. 9–10 об.

⁴² Там же, л. 11–11 об.

⁴³ Цит. по: *Петров Ф.А.* Указ. соч. С. 19.

⁴⁴ ЦГАМ, ф. 459, оп. 1, д. 4791, л. 12–13; РГИА, ф. 733, оп. 30, д. 185, л. 74–74 об.

в котором я служу»⁴⁵. Открытым для Шевырёва оставался вопрос, должен ли он ехать в столицу. Ответ вскоре пришёл от Неверова, которому, видимо, этот вопрос был адресован ранее. Чиновник уверял: «Уварову очень хочется сохранить Вас для университета и при том не нарушить нового устава. Для этого он дал наставление, словесное, здешним профессорам, чтобы они производили экзамены для чиновников, уже занимающихся преподаванием и известных с хорошей стороны начальству, как можно легче, избегая всяких требований, только *pro forma*, чтобы не отнять у преподавателей время на приготовление к экзамену, которое они с большею пользою употребят, продолжая исполнять свои должности. Разумеется, что в числе этих *чиновников* разумеются только адъюнкты университетов, экстраордин[арные] професс[ора] и проч[ие]. Уваров намерен даже дать общее наставление об этих особенных экзаменах. Говоря об этом с Сербиновичем, он поручил ему писать к Вам, чтоб Вы приехали сюда, в Петербург, именно для такого экзамена; ибо же легко может быть, что по недоброжелательству, зависти или каким-либо другим причинам в Москве могут ему сделать какие-нибудь неудовольствия или затруднить экзамен – а здесь даны будут мною наставления профессорам, я сам лично могу сказать им, что этот экзамен должен быть исключением из правил. Что это *pro forma*. Итак, Вас вызывают сюда для экзамена. И прежние слова Сербиновича, сказанные мною в письме к Вам, надобно понимать так, что экзамен будет таков, что к нему нечего готовиться... Теперь, если Вы надеетесь, что не будете иметь никаких неудовольствий в Москве, что экзамен там будет также как и здесь *pro forma*, так Вы легко можете под предлогом болезни, обстоятельств домашних, тысяче других причин отклониться от поездки сюда, написав об этом к Сербиновичу, а не ко мне, ибо он писал к Вам по приказанию министра, следоват[ельно], должен или уведомить его об ответе или показать самый ответ. Я понимаю Ваше желание: Вы не хотите занимать места *из снисхождения хотя бы*, а потому желаете экзамен настоящий – намерение благородное и вполне Вас достойное, но когда все такие экзамены будут *pro forma*, то за что же Вам будет настоящий – мне кажется, что можно, не унижая себя, воспользоваться этим общим положением. Итак, от Вас зависит, приехать сюда или нет, держать экзамен здесь или в Москве»⁴⁶. Через неделю Неверов по поручению Сербиновича сообщил Шевырёву: «Министр вполне соглашается с Вами в причинах, по коим Вы предпочитаете держать экзамен в Москве, а не в С[анкт-]Петербурге; к этому он прибавил то только, что предлагая Вам приехать сюда, он ничего не имел более в виду, как облегчение и сокращение экзамена, но так как Вы вполне уверены, что не встретите в Москве никаких неприятностей, то для него ещё приятнее будет узнать о доверенности Вашей к товарищам и о добром согласии с ними»⁴⁷.

Однако облегчение докторского экзамена, видимо, являлось «запасным вариантом». Параллельно с этим Уваров продвигал указ об упрощённой процедуре защиты на степень доктора для состоящих при университетах экстраординарных профессоров и адъюнктов, который и был подписан императором 31 декабря. Указ предписывал желающим получить степень доктора наук адъюнктам и профессорам лицеев за год написать диссертацию и защитить её. Этим указом кроме Шевырёва смогли успешно воспользоваться историк и археограф Н.Г.

⁴⁵ РГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 1656, л. 8–8 об.

⁴⁶ ОР РНБ, ф. 850, д. 394, л. 3–3 об.

⁴⁷ Там же, л. 21; д. 506, л. 10–10 об.

Устрялов и занимающие профессорские кафедры адъюнкты А.В. Никитенко, Ф.Л. Морошкин и Н.Е. Зернов, имевшие к тому времени степень магистра.

В Московском университете указ был зачитан на заседании первого отделения философского факультета 10 января 1836 г. Декан М.Т. Каченовский объявил, чтобы те члены отделения, «которых эти слова особенно касаются», уже представили темы своих диссертаций «для предварительного одобрения». В связи с этим адъюнкт Шевырёв просил отделение освободить его на полгода от преподавания, так как он «должен заняться приготовлением диссертации на степень доктора». Коллеги согласились⁴⁸. В свою очередь, 13 января Неверов сообщил Шевырёву последние столичные сплетни: «Я слышал от здешнего профессора Никитенка, что экзамен Вам и всем преподавателям, держущим на доктора, будет состоять из одной только диссертации; думаю, точно также поступят и в Москве. И нельзя предположить, чтоб Строганов не устранил от всех излишних формальностей. В таком случае Вы, верно, не замедлите на вакансии приступить к делу и, вероятно, к осени мы поздравим Вас доктором»⁴⁹.

В середине лета Шевырёв между делом сообщил о работе над диссертацией, на что Неверов поинтересовался подробностями⁵⁰. Шевырёв описал количество свалившихся на него дел и курсов. «И при всём этом должен я написать диссертацию, – писал он. – Другого средства мне не остаётся, как взять отпуск, запереться в комнату и навалить её в 28 дней. Это я сделаю в ноябре месяце»⁵¹. 10 октября 1836 г. на рассмотрение отделения были представлены темы диссертаций профессора М.П. Погодина и адъюнктов С.П. Шевырёва, В.И. Оболенского и А.И. Чивилева. Шевырёв предложил две темы («Историческое исследование о развитии русского языка в отношении к славяно-церковному, в периоде словесности до Петра Великого, основанное на изучении некоторых древних памятников» и «Исследование о развитии теории поэзии у древних и новых народов»), оговорив право последующего выбора одной из них, о чём и было представлено в совет университета. 4 ноября большой совет утвердил обе темы, а 25 ноября Шевырёв представил в отделение диссертацию на вторую из них⁵². Далее в протоколах отделения следует лакуна, но протокол от 24 февраля 1837 г. свидетельствует, что в этот день члены отделения рассматривали уже отпечатанное в типографии и прочтённое коллегами сочинение соискателя⁵³. Диссертация была одобрена, и отделение постановило представить её в совет университета «для назначения дня диспута»⁵⁴.

9 марта 1837 г. состоялась защита⁵⁵, а 16 марта Совет университета направил помощнику попечителя Московского учебного округа подробный отчёт с приложением текста диссертации и формулярного списка соискателя, в основной своей части представляющий кальку с протокола защиты. Описы-

⁴⁸ ЦГАМ, ф. 418, оп. 477, д. 24, л. 1–2 об.

⁴⁹ ОР РНБ, ф. 850, д. 394, л. 24–24 об.

⁵⁰ Из бумаг Я.М. Неверова... С. 91; ОР РНБ, ф. 850, д. 394, л. 50 об.

⁵¹ Из бумаг Я.М. Неверова... С. 85.

⁵² ЦГАМ, ф. 418, оп. 477, д. 24, л. 110 об.–111, 127, 138–139.

⁵³ См.: *Шевырёв С.П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836 (переизд.: 1887; 2011).

⁵⁴ ЦГАМ, ф. 418, оп. 477, д. 25, л. 12.

⁵⁵ Ф.А. Петров приводит другие даты защиты диссертации и утверждения соискателя в степени доктора наук (январь и 7 марта 1837 г.), видимо, опираясь на автобиографическую справку Шевырёва в «Словаре», где тот ошибочно указывает именно эти даты (*Петров Ф.А.* Указ. соч. С. 20; Биографический словарь профессоров и преподавателей... С. 615).

вался также сам диспут: «В 12 часов утра в зале заседания в присутствии его сиятельства господина попечителя... находились: старший декан М.Т. Каченовский, занимавший место проректора (по случаю его болезни), ординарные и экстраординарные профессора, адъюнкты, учащиеся, многие знатнейшие особы столицы и другие посетители. По прибытии же его сиятельства московского военного генерал-губернатора князя Дмитрия Владимировича Голицына г[осподин] Шевырёв в краткой речи изложил цель своего сочинения и прочёл из оною главные положения. Затем ординарные профессора Давыдов, Павлов, Погодин, экстраординарный Крюков и некоторые посторонние лица делали ему возражения, которые г[осподин] Шевырёв опровергал с полным успехом и достоинством, и в объяснениях своих доказал как обширные знания в науках словесных, так и отличную способность излагать свои мысли с ясностью и убеждением... Заседание закончилось в 3 1/2 часа пополудни»⁵⁶.

Министр утвердил Шевырёва в степени 7 апреля 1837 г.⁵⁷ 31 марта Неверов поздравил Шевырёва с успешной защитой: «О Вашем блистательном диспуте я услышал ещё прежде г[осподина] Дьяконова – от Пименова: Вы пристыдили своею диссертациею здешних новых докторов, они представили на диспут не книгу ученую, а статью, и как защищали? Кукольная комедия!»⁵⁸. Автор письма, судя по всему, имел в виду защиты Н.Г. Устрялова и А.В. Никитенко. Объём диссертации Устрялова составлял 84 страницы, Никитенко – 40⁵⁹, тогда как диссертации Шевырёва – 382 страницы. Интересно, что Никитенко в своём дневнике отзывался о защите Устрялова в том же ключе: «Устрялов, профессор русской истории, защищал свою диссертацию “О возможности прагматической русской истории в нынешнее время”. Странная задача: прагматическая история в наше время, при нынешней цензуре и источниках, не очищенных и не разработанных критически, – да разве это мыслимо? Немудрено, что Устрялов защищался слабо против возражений Плетнёва, особенно Германа и Литвинова, бывшего профессора в Виленском университете. Последний вышел на арену, когда Устрялов начал доказывать, что Литва всегда составляла часть России; попечитель испугался, как он сам потом мне говорил, чтобы не вышло соблазнительного спора, а потому он поспешил прекратить диспут»⁶⁰.

Анализ обстоятельств и процесса обретения докторской степени С.П. Шевырёвым позволяет реконструировать условия рождения одного из первых и в то же время типичных профессоров «уваровского призыва»; тех, о ком сам Уваров и вслед за ним современники говорили как о «русских профессорах» (отделяя их от недостаточно учёных «старых» профессоров Александровской эпохи и от пропитанных эгоизмом и индивидуализмом западных профессоров).

⁵⁶ ЦГАМ, ф. 418, оп. 2, д. 136, л. 2–2 об.

⁵⁷ Там же, л. 5; ОР РНБ, ф. 850, д. 2, л. 1.

⁵⁸ Там же, д. 394, л. 44.

⁵⁹ *Устрялов Н.Г.* О системе прагматической русской истории. СПб., 1836; *Никитенко А.В.* О творящей силе в поэзии или о поэтическом гении. СПб., 1836.

⁶⁰ *Никитенко А.В.* Записки и дневник. Т. 1. М., 2005. С. 189. Собственный диспут, который состоялся 13 февраля 1837 г., автор дневника описывал в других тонах: «Началось дело в половине первого часа, а кончилось в половине третьего. Собрание было столь многочисленное, что произошла даже давка. Ректор предварительно прочёл мою биографию. Я крепко держался в моих окопах и не терял присутствия духа. Публика выразила своё полное удовольствие» (Там же. С. 198).

Как считают исследователи, к началу 1830-х гг. Шевырѐв имел схожие с Уваровым взгляды на организацию и задачи просвещения в России⁶¹. В этом отношении молодой московский преподаватель стал для министра-реформатора буквально находкой, желанным «орудием правительства», даже соратником. Шевырѐв был человеком не только понимающим и принимающим идеологию министерства, но и способным (в силу литературных талантов) её развивать и транслировать. В этом смысле действия министра и его сотрудников по удержанию Шевырѐва и ему подобных молодых людей в реформированных университетах – это иллюстрация целенаправленных усилий Уварова по воспитанию плеяды университетских единомышленников. Личное участие министра в академической карьере Шевырѐва, безусловно, способствовало формированию у него искреннего чувства личной благодарности и осознанию благодетельности посреднической функции просвещѐнного правительства в сложных внутриуниверситетских отношениях. Такая позиция легитимировала в глазах поколения «новых профессоров», получивших прививку западной университетской культуры, стремительно растущее участие министерских чиновников в сугубо академических процедурах.

Письма чиновников министерства, демонстрирующие их компетентность, заинтересованность, знание тонкостей университетских отношений порождали у избранных Уваровым молодых учёных чувство защищённости от внутрикorporативных столкновений и всевластия «старших» профессоров. Написанные нередко по поручению самого Уварова персональные обращения его служащих к университетским людям создавали у тех образ мудрого и всевидящего министра. Чиновники, писавшие Шевырѐву, говорили с ним на языке академической культуры, а отвечавший им московский преподаватель проявлял уважение к их бюрократической этике. Так воспитывались благодарность и уважение к людям, её олицетворяющим, и через это – сопричастность и лояльность системе, становившейся продуктом со-творчества просвещѐнных бюрократов и проникнутых государственным сознанием интеллектуалов.

Таким образом, Уваров действовал в разных регистрах властвования, создавая идеологию и одновременно формируя когорту её искренних приверженцев. В одном регистре он строил систему, в которой должны были действовать единые для всех правила (общее законодательство, унифицированное делопроизводство, типовые научные издания), а в другом – создавал режим исключений, построенный на знании университетской жизни. И этот режим оказывался тем более эффективным, чем лучше министр и его соратники знали специфику того или иного университета. Неслучайно во времена управления Уварова расцвели именно столичные – Петербургский и Московский – университеты, в которых сконцентрировались «русские профессора» уваровского призыва.

При этом у политики модернизации российских университетов было несколько субъектов с разными, иногда совпадающими, но порой расходящимися интересами. Так, Шевырѐву возможность защищать свои интересы и достаточно откровенно высказывать своё мнение обеспечивала покровительство С.Г. Строганова. Расширенный инструкциями и законодательством второй

⁶¹ Об идеологических представлениях Шевырѐва и теории официальной народности Уварова, о понимании им задач русского просвещения см., например: *Цветкова Н.В.* О русской идее С.П. Шевырѐва // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2008. № 5. С. 46–59.

половины 1820-х – начала 1830-х гг. объём власти главы учебного округа⁶², а также личные связи и статус позволяли Строганову не только участвовать в делах университетского сообщества, но и вести достаточно автономную от министерства политику. В результате в ходе интенсивного строительства государственной системы управления университетами, в контексте ускоренного создания «русской науки» и «русского просвещения» мирового уровня, в ходе кадровых чисток «учёных сословий» рождался новый тип университетского человека с западными знаниями, национальным сознанием и верой в просвещённое правительство.

⁶² См. подробнее: Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность vs. профессиональная солидарность. М., 2012. С. 46–65; Ильина К.А. «Рассадники просвещения»: метаморфозы назначений попечителей в учебные округа России первой трети XIX века // Уроки истории – уроки историка... С. 227–234.

«История Императорского Московского университета» С.П. Шевырёва: от скандала к юбилею

Вадим Парсамов

«История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею 1755–1855» профессором С.П. Шевырёвым, – первая история российского университета. Уже в силу данного обстоятельства она стала неотъемлемой частью самой этой истории, и почти все отечественные авторы, пишущие на близкие темы, неизменно обращаются к труду Шевырёва как к некоему эталону университетской истории¹. Современный историк Ф.А. Петров называет «заслуги Шевырёва в изучении истории Московского университета» «в настоящее время никем не оспариваемыми», правда при этом добавляет, что «порой “История” Шевырёва выглядит излишне риторично»². Эта риторичность, как правило, относится на счёт юбилейного характера текста и воспринимается как что-то внешнее, не имеющее прямого отношения к трудоёмкой

© 2015 г. В.С. Парсамов

В статье использованы результаты работы над проектом «Практики аттестации и присвоения учёных степеней в европейских университетах Нового времени», выполненным в рамках программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» в 2014 г.

¹ Петров Ф.А. С.П. Шевырёв – профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999; Алексеева Е.Д. С.П. Шевырёв и столетний юбилей Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 2. С. 106–121; она же. «Мы дела “Шевырёвского” не могли оставить...» (О подготовке к празднованию 100-летнего юбилея Московского университета) // Там же. 2005. № 4. С. 3–32; Кулакава И.П. Протоколы конференции Московского университета второй половины XVIII века: История создания и использования. Препринт. М., 2013; Вишленкова Е.Л. Университетский XIX век в России: Дискуссионная история // Изобретение века: проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М., 2013. С. 297–301.

² Петров Ф.А. Указ. соч. С. 41.